

во яз тебѣ белыхъ грудей вскоре,
Иван, не спору, что ты скоро не
спорол у меня. И привязал он
Ивана ко сыру дубу кряковисту,
сам пошел, царищо поганое,
к красной Настасье Дмитрие-
вне опочив держать в бѣлой
шатер. По божье было по ми-
лости, а молоду Ивану по счя-
стию издавеча поля чистово

(л. 24 об.) прилѣтали два голубчика
малешенки, сажидися на тот
сырой дуб. Выходил царищо
из бела шатра, имал Иванов
тугой лук и стрѣлял по тѣм
малым голубкам. Взвилая та
высоко калена стрела под о-
блаки и пала та калена съ-
трѣла поганому царищу в голо-
ву и расколело ему буйну главу
против сердца ретивово, и уда-
рило его о сыру землю ма-
терую. Выходила Настасья
красная из своего бѣла шатра,
сама зговорит таково слово:

(л. 25) Охти яз, молода, согрѣшила,
от берегу отстала, а к другому
не пристала. Възмолитца ей
Иван Гоудинович: ой еси ты,
красна Настасья Дмитриев-
на, отвяжи ты меня от сыра
дуба кряковистого, а яз те-
бя не стану ни бить ни мучить,
только лиш тебѣ поучение
дам, как мужи жен учят.
Отвязала молода Настасья
красная Ивана от сыра дуба.
Пришел Иван Гоудинович к На-
стасье в бѣлой шатер, имал
свою сабелку булатную восьтрую,

(л. 25 об.) сѣчет Настасье по колѣн но-
ги и руки по локот сѣчет, сам гово-
рит таково слово: тѣ мнѣ руки
и ноги ненадобет, которые